

при более детальном анализе иллюминирует кризисность ситуации в политической сфере, а именно: низкое качество и эффективность государственного управления, недостаток профессиональных управленческих кадров, коррумпированность органов государственной власти, отсутствие конкурентной среды не только в экономике, но и в политике, а затем лишь в экономике.

Одна из специфических особенностей кризисного дискурса и власти, и оппозиции в современной России состоит в том, что экономический кризис используется конъюнктурно, как средство борьбы за власть. В зависимости от ситуации кризис то обостряется, то затихает, то он побежден вовсе или надвигается еще более мощная, чем предыдущая, волна.

Литература:

1. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
2. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т.Н. Митрохиной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 183 с.
3. Митрохина Т.Н. Динамика кризисного дискурса правящей элиты (по материалам официальных выступлений Председателя Правительства РФ 2008–2011 гг.) // Вестник Пермского государственного университета. Сер. Политология. 2012. № 3. С. 87–94.
4. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. М.: Научный эксперт, 2012. – 632 с.
5. Тён А. ванн Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

Тищенко Н.В.

ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС

Властный дискурс – тип дискурса, который посредством высказывания или иных коммуникативных актов устанавливает иерархические отношения. Ряд авторов полагает, что всякое коммуникативное действие, порождающее отношения подчинения/управления является властным дискурсом («любое высказывание, устанавливающее властные отношения, есть властный дискурс» Л.А. Чувашов); другие же предполагают, что для формирования властного дискурса необходимо наличие целого ряда показателей, таких как идеология с характерной знаково-символической системой, институциональная система принуждения и т.д. («дискурс власти – это процесс коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией смыслов, явлений, идей и идеологий, порождаемых системой специальных знаково-оповещений «языка» власти» В. Согомонян).

Э. Лакло, Ш. Муфф, Т. ван Дейк интерпретируют властную функцию как основополагающую для любого дискурса, поэтому понятие «властный дискурс» для них тавтологично, т.к. никаким иным, кроме как «властным», дискурс в силу своих основных характеристик не может быть. Поэтому дискурсы условно можно классифицировать на официальные, т.е. те, чьи типы высказываний прошли через процедуры легитимации, и на неофициальные – дискурсы, чьи способы высказываний не поддерживаются легализованными социальными практиками (государственными структурами, системой образования, например). Способ взаимодействия между официальными и неофициальными дискурсами определяется как «борьба дискурсов», которая подразумевает перманентное стремление дискурсов доказать превосходство собственной системы высказывания

над остальными дискурсивными практиками. «Борьба дискурсов» осуществляется посредством социальных групп, в чью задачу входит «продвижение определенного типа реальности, выгодного для конкретной группы» (Т.А. ван Дейк). Но есть авторы, для которых властная составляющая дискурса неочевидна и непринципиальна (Феркло), а главным объектом внимания является способность различных дискурсов создавать общее пространство смыслов, в данном контексте исследуется не конкретный дискурс, а целая группа дискурсов, формирующих различные тексты – интертекстуальность.

Предтечей определений властного дискурса можно считать работы М. Фуко, Р. Барта и Ж. Лакана, которые основу властного дискурса видели в принуждении к использованию соответствующих моделей интерпретации и репрезентации. Различия в интерпретациях властного дискурса у этих авторов касаются механизмов принуждения. Так М. Фуко распространение дискурсов связывал с формированием различных типов знания (истина/не истина), Р. Барт – с системой визуальных образов, а Ж. Лакан – с коммуникативными практиками.

В исследовательской литературе властный дискурс зачастую совпадает с политическим измерением. Авторы, несмотря на различие теоретических и методологических подходов, трактуют властный дискурс как прерогативу государственной власти. В результате, в зависимости от специфики господствующей политической системы и государственного устройства, можно выделить следующие варианты властного дискурса в политическом измерении:

- демократический дискурс (максимальное сближение высказываний политических фигур с типом высказываний, характерных для электората, вариативность высказываний (Р.Д. Андерсон));

- либеральный дискурс (идея свободы как основополагающий принцип любого политического решения);

- авторитарный дискурс («кастовый» характер политической элиты, патерналистское отношение к населению, наделение власти положительными признаками – идеал справедливости, идеал ответственности и пр.);

- социалистический дискурс (максимальный уровень социальной ответственности политической власти).

Это наиболее употребляемые типы политического дискурса, хотя, конечно, только перечисленными вариантами властного дискурса политическое измерение не ограничивается.

Однако сведение властного дискурса исключительно к политическому измерению неправомерно, т.к. понятие «власть» в контексте постструктуралистской концепции (а понятие «дискурс» и методики его исследования, несомненно, являются частью постструктуралистской теории) является одним из фундаментальных и общих понятий. Власть интерпретируется не через систему институтов и практик, а как основополагающий культурообразующий принцип. Поэтому отдельные как отечественные, так и зарубежные исследователи интерпретируют властный дискурс в различных контекстах. Так, в рамках экономического измерения в качестве властного может выступать рыночный дискурс, которому противопоставляется административно-хозяйственный (плановый) дискурс.

Социальное измерение властного дискурса крайне многообразно, но это многообразие вызвано не столько исследовательским интересом, сколько вариативностью повседневных практик. Можно выделить следующие аспекты социального измерения властного дискурса:

- гендерный аспект – несмотря на многочисленные «волны» феминистских и сексуальных революций, властный дискурс до сих пор интерпретируется как маскулинный (реже патриархальный), хотя европейские дискурсивные практики стремятся

нивелировать проявления маскулинности и продемонстрировать гендерную нейтральность;

- возрастной аспект – специфика властного дискурса зависит от сферы формирования; так масс-медийная сфера характеризуется главенством ювенального и молодежного дискурсов, геронтологический дискурс доминирует в тех сферах, где большое значение имеют традиционализм и ритуализм;

- профессиональный аспект – современное общество все больше и больше тяготеет к профессионализации повседневных практик, к тому, что Э. Гидденс называл «экспертным обществом»; поэтому еще одним распространенным способом актуализации для властного дискурса становится экспертный дискурс; функционирование экспертного дискурса можно наблюдать и в рамках политического измерения («правительство профессионалов», «технократическое правительство»), и в экономическом измерении (рост объема консалтинговых услуг), и на уровне повседневной жизни, где семейные отношения, межличностные коммуникации, организация досуга и т. д. так же с необходимостью соотносятся с экспертными оценками.

Еще одним принципиальным использованием властного дискурса является эпистемологическое измерение. Система формирования знания и его трансляции может интерпретироваться как продукт властного дискурса (М. Фуко), так и источник властного дискурса (К. Поппер). Но в любом случае связь системы знаний и власти неоспорима, любой политический режим старается сформировать свою идеологическую научную дисциплину, использующую свои критерии научности и истинности: например, «научный коммунизм» в СССР, «Рухнама» в Туркменистане или «менеджмент» в демократических государствах. Политическая власть, пусть и опосредованно, стремится

контролировать сферы получения и передачи знания – образование и науку.

Литература:

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.
3. Гайда, А. В., Китаев, В. В. Властный дискурс российского общества: от демократии к сильному государству // Дискурс-Пи. – Выпуск № 1. Том 1. – 2001. – С. 21–23.
4. Дейк Т. А. ван, Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Ильин, М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. – № 3. – 2002. – С. 7–19.
6. Лакан, Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного. М.: Изд-во «Гнозис». – 2002. – 608 с.
7. Поппер, К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.; 528 с.
8. Русакова О. Ф., Спасский А. Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – С. 128–140.
9. Скиперских, А. В. Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политологического дискурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – № 8. Том 4. – 2007. С. 136–144.
10. Согомонян В. Что такое дискурс власти? // 21 век. – № 1 (21). – 2012. – С. 34–51.
11. Черепанова, С. А. Философия образования: стратегически-ценностные концепты и дискурс власти // Future Human Image. – Выпуск № 1. – 2014. – С. 45–61.
12. Чернявская В. Е., Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Учебное пособие. – М.: Наука, Флинта, 2006. – 136 с.
13. Чувашов, Л. А. Дискурсивные практики государственной власти // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – № 30 (245). Вып. – 2011. – С. 75–80.
14. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр., общ. ред. Б. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
15. Anderson R. D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm>.
16. Fairclough, N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities / N. Fairclough // Discourse and Society. – 1993. – № 4 (2). P. 133–168.
17. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. – London: Verso, 2001. – 197 p.